

Василий Авсеенко

При дамах

Василий Григорьевич Авсеенко

При дамах (Петербургские очерки #2)

«Васса Андреевна Ужова встала очень поздно и имела не только сердитый, но даже злющій видъ. Умывшись, противъ обыкновенія, совсемъ наскоро, она скрутила свою все еще богатую косу въ толстый жгутъ, зашила ее высоко на голове, накинула на плечи нарядный, но не очень свежий халатикъ, и вышла въ столовую, где горничная Глаша поставила передъ ней кофейникъ, корзинку съ хлебомъ и большую чашку. Все эти принадлежности Васса Андреевна оглянула съ враждебной гримасой, поболтала ложечкой въ сливочнике, потомъ лизнула эту ложечку языкомъ, и отбросила ее черезъ весь столъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Василий Григорьевич Авсеенко При дамахъ	
0004	
I0005
II0013
III0025

**Василий Григорьевич
Авсеенко
При дамахъ**

Васса Андреевна Ужова встала очень поздно и имѣла не только сердитый, но даже злющій видъ. Умывшись, противъ обыкновенія, совсѣмъ наскоро, она скрутила свою все еще богатую косу въ толстый жгутъ, зашпилила ее высоко на головѣ, накинула на плечи нарядный, но не очень свѣжій халатикъ, и вышла въ столовую, гдѣ горничная Глаша поставила передъ ней кофейникъ, корзинку съ хлѣбомъ и большую чашку. Всѣ эти принадлежности Васса Андреевна оглянула съ враждебной гримасой, поболтала ложечкой въ сливочникъ, потомъ лизнула эту ложечку языкомъ, и отбросила ее черезъ весь столъ.

– Что это за гадость ты мнѣ подала! – накинулась она на Глашу. – Развѣ я стану съ такими сливками пить?

Глаша нагнула голову и внимательно заглянула въ кувшинчикъ.

– Не хороши, барышня? – произнесла она печально-удивленнымъ тономъ.

– Опять ты меня «барышней» называешь? Ты знаешь, что я терпѣть этого не могу. Я Вас-

са Андреевна, а не «барышня», – сердито сказала хозяйка дома. – И что это за хлѣбъ? Не могла чего-нибудь вкуснее выбрать?

И она расшвыряла все, что было въ корзинкѣ, но затѣмъ все-таки присѣла къ столу, налила чашку кофе, плеснула сливокъ и принялась, хрустя своими бѣлыми и крѣпкими зубами, грызть кренделекъ.

– Узнай у швейцара, нѣтъ ли письма, – приказала она горничной.

Глаша ушла, и вернувшись черезъ минуту, объявила, что кромѣ газеты ничего нѣтъ. При этомъ она имѣла такой удрученный видъ, точно отъ ожидаемаго письма зависѣла вся ея участь.

На лицѣ Вассы Андреевны еще сильнѣе отразилось дурное расположеніе духа.

– Скажи кухаркѣ, чтобы сейчасъ съѣздила къ Денису Ивановичу, – распорядилась она. – И пусть скажетъ, что я прошу сію минуту пріѣхать ко мнѣ. Чтобы сейчасъ, сію минуту пріѣхалъ.

– Вы бы лучше написали, Васса Андреевна; можетъ быть, Дениса Ивановича дома нѣтъ, – замѣтила Глаша.

– Не выдумывай. Терпѣть я не могу писать. Пусть сейчасъ ѣдетъ.

Васса Андреевна допила кофе, съѣла половину крендельковъ и булочекъ, и затѣмъ, усѣвшись передъ туалетнымъ столикомъ, зажгла спиртовую лампочку, положила на нее щипцы и медленно, не торопясь, занялась уборкой своей головы.

Сложная работа эта была окончена только на половину, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ портьеры осторожно просунулась голова Дениса Ивановича Бобылкова.

– Не входите, здѣсь еще не прибрано, – поспѣшно крикнула ему Васса Андреевна. – Подождите въ будуарѣ, я сейчасъ къ вамъ выйду.

– Что случилось? Вы меня перепугали, – слышался изъ-за портьеры голосъ Бобылкова.

– Ахъ, я вся разстроена. Я вамъ все расскажу, – отвѣтила Васса Андреевна.

Она торопливо всунула въ волосы нѣсколько шпилекъ, и съ расчесаной только на половину головой встала и перешла въ

большой, очень модно и нарядно обставленный будуаръ. Бобылковъ, расправлявшій всѣми пятью пальцами передъ зеркаломъ свою висѣвшую жиденькой бахромой бородку, тотчасъ повернулся и подошелъ къ ручкѣ.

Это былъ господинъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ лысиной и съ замѣтною просѣдью на вискахъ и въ бородѣ. Темное, пересѣченное красноватыми жилками лицо его имѣло довольно поношенный видъ. Маленькіе, съ облѣзлыми рѣсницами глазки глядѣли съ плутоватою слащавостью, сквозь которую ничего не сквозило – ни ума, ни глупости, ни слишкомъ большого самолюбія, ни слишкомъ большой наглости.

– У меня съ Сатиромъ скандалъ третьяго дня вышелъ, – обратилась къ нему Васса Андреевна. – Мы съ нимъ такъ посчитались, что онъ теперь глазъ ко мнѣ не покажетъ.

– О-о?! Сатиръ Никитичъ? – произнесъ Бобылковъ такимъ тономъ, какимъ старые любовники говорятъ съ капризничаящими женщинами. – Расскажите, голубушка, расскажите...

– Да и рассказывать нечего: просто на-

сплетничали ему про Сережу, онъ и сталъ выслѣживать, – отвѣтила Васса Андреевна.

– Ну, и что же?

– Ну, и выслѣдилъ. Разбунтовался, ругаться сталъ. А я ему все и выложила: какъ онъ къ Фофочкѣ на дачу ѣздилъ, и какъ за нее за два мѣсяца за коляску заплатилъ, и про то, какъ онъ Козичеву гадости про меня говорилъ – все, все ему выложила, будетъ помнить...

Бобылковъ повель носомъ и неодобрительно покачалъ головой.

– Скажите пожалуйста! Сатиръ Никитичъ! Кто бы могъ ожидать? Ревновать тоже вздумалъ... – проговорилъ онъ.

– Да, но вѣдь это нельзя же такъ, – продолжала Васса Андреевна, присаживаясь на диванчикъ и запахивая немножко позасаленныя полы своего халатика. – Не могу же я вдругъ ни при чемъ остаться. У меня дача нанята, кто же за нее платить будетъ? Коляска новая заказана, на дняхъ привезутъ – чѣмъ же я заплачу? Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? Вы, Денисушка, должны насъ помирить.

– И помирю, мамочка, разумѣется поми-

рю! – воскликнулъ Бобылковъ. – Что, въ самомъ дѣлѣ, онъ глупить вздумалъ? Развѣ такъ обращаются съ дамами? Я его проберу.

– Вы привезите его ко мнѣ, Денисушка. Въдь вотъ, онъ вчера цѣлый день глазъ не показаль.

– Постараюсь, мамочка. Вы на меня положитесь. Я бы и сейчасъ къ нему поѣхаль, да вотъ, у меня дѣло есть. Елена Николаевна просила рѣдкостные часики ей показать, купить хочетъ.

Бобылковъ вынулъ изъ кармана маленькій футляръ и повертѣль его въ рукахъ.

– Какіе часики? Покажите, – любопытствовала Васса Андреевна.

Часики были очень обыкновенные, съ розовой эмалью и мелкими брилліантами. Но Бобылковъ увѣряль, что это чистѣйшій еmрiге, которому цены нѣтъ.

– Елена Николаевна купить, она любитъ рѣдкія вещи, – сказалъ онъ.

– Ничего она у васъ не купить, потому что вы ей уже подсунули одинъ «ампиръ», – возразила Васса Андреевна. – Надули ее съ шифо-

ньеромъ на триста рублей.

Бобылковъ всплеснулъ руками.

– Мамочка, какъ же можно это говорить! – воскликнулъ онъ. – Шифоньеръ мне отъ княгини Кувывладзе достался. И это не empire, а Louis XIV. У Маріи Антуанеты такой былъ. А часики я всего за двѣсти рублей отдаю: деньги очень нужны.

Ужова еще разъ раскрыла футляръ, посчитала бриллиантики, пожалала плечами и сказала:

– Оставьте у меня. Если Сатиръ Никитичъ прійдетъ, я скажу, что купила за двѣсти.

Бобылковъ отобралъ футляръ и прижалъ его къ боку сюртука.

– Мамочка, не могу. Радъ бы всей душой, но не могу. Мнѣ эти часики необходимо сейчасъ же пристроить, – возразилъ онъ. – Пока не добуду двѣсти рублей, я не могу никакимъ постороннимъ дѣломъ заняться. И къ Сатиру Никитичу съѣздить не могу.

Ужова поморщила брови, подумала и встала.

– Ну, хорошо ужъ, давайте, – сказала она, и взявъ футляръ, вышла въ уборную, откуда че-

резь минуту вынесла двѣ сторублевья бумажки.

Бобылковъ съ удовольствіемъ сунулъ ихъ въ карманъ и поцѣловалъ Вассъ Андреевнѣ руку.

– А вѣдь я, мамочка, не завтракавши къ вамъ прибѣжалъ: думалъ, вы покормите чѣмънибудь, – сказалъ онъ, почувствовавъ потянувшій откуда-то вкусный запахъ форшмака, и даже чмокнулъ губами.

– Такъ пойдете въ столовую, мнѣ сейчасъ завтракать подадутъ, – пригласила хозяйка.

Въ корридорѣ Бобылковъ, завидя Глашу, поотсталъ немного, и подмигнувъ, шепнулъ ей:

– Холодненькій флакончикъ-то непременно подайте.

И пользуясь тѣмъ, что у Глаши обѣ руки были заняты подносомъ, ущипнулъ ее выше локтя.

За «дамами» Бобылковъ никогда не ухаживалъ, но съ ихъ горничными бывалъ довольно предприимчивъ.

Позавтракавъ очень хорошо у Вассы Андреевны, Бобылковъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Сатиру Никитичу Ерогину. Всю дорогу онъ улыбался, причмокивалъ губами и весело подымалъ и опускалъ брови. Ему уже удалось заработать на часикахъ больше ста рублей, и кроме того самый фактъ ссоры Ужовой съ Ерогинымъ открывалъ ему нѣкоторыя дальнѣйшія перспективы.

Бобылковъ чрезвычайно любилъ всѣ такія ссоры. Можно сказать, что онъ существовалъ ими. Если бы «дамы» перестали непрерывно ссориться съ своими друзьями, для Бобылкова въ нѣкоторой степени изсякли бы источники жизни. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ своего положенія именно тогда, когда колебались сложившіяся сочетанія, или обрисовывались новыя. Тутъ онъ былъ необходимъ. За нимъ посылали, изливали передъ нимъ душу, посвящали его во всѣ подробности, знаніемъ которыхъ онъ потомъ любилъ поражать и мужчинъ, и женщинъ. Онъ принималъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ живѣйшее, по-

чти сердечное участіе, проливалъ бальзамъ во взволнованныя сердца, и своимъ ободряющимъ сочувственнымъ спокойствіемъ дѣйствовалъ на взбудораженные нервы. Случалось ему попадать въ такія горячія минуты, когда тарелки и бутылки летѣли черезъ его голову, и ухо его ловило почти чудовищныя въ дамскихъ устахъ словечки. Но Бобылковъ любилъ это. Онъ любилъ сознавать себя въ безпритязательной интимности съ этимъ міромъ. Ему нравилось, что «дамы» принимали его, вотъ какъ сегодня Васса Андреевна, въ грязноватомъ халатикѣ, съ причесанной на половину головой, называли его Денисушкой, таскали съ собой въ ложу и ресторанные кабинеты, и держали его при себѣ на побѣгушкахъ.

Такое не совсѣмъ опредѣленное положеніе въ петербургской жизни Бобылковъ занималъ уже давно. Существовало преданіе, что раньше онъ былъ художникомъ; но всѣ помнили его не иначе, какъ въ его нынѣшней роли «при дамахъ». И Бобылковъ, можно думать, такъ освоился съ этой ролью, что гордился ею. Съ несомнѣннымъ признаніемъ свое-

го преимущества, онъ говариваль:

– Меня, батеньки мои, еще мальчишкой знаменитая Минна Ивановна въ свою ложу брала! Правда, она тогда уже не у дѣль состояла.

Онъ былъ искренно увѣренъ, что какъ тамъ ни говори, а вотъ эта самая Васса Андреевна, или Елена Николаевна, или Фофочка Зайчикъ, – личности безспорно знаменитыя. Ему было несказанно пріятно чувствовать себя въ лучахъ этихъ столь ярко горѣвшихъ звѣздъ.

Въ его прошломъ были моменты, воспоминанія о которыхъ чрезвычайно возвышало его въ собственныхъ глазахъ.

– Когда я, батеньки мои, помирилъ покойнаго фонъ-Крезиса съ Миминой 1-й, онъ при мнѣ ей съ рукъ на руки сто тысячъ передалъ, – рассказываль онъ иногда за ужиномъ. – Такъ-таки вынулъ изъ стола сто тысячъ облигаціями «Всемирнаго мореходства», и съ рукъ на руки передалъ ей. А она свернула ихъ трубочкой, и говоритъ мнѣ: – «Ужъ вы, Денисъ Ивановичъ, поѣзжайте со мною домой, а то я боюсь одна съ такой суммой ѣхать». Такъ мы вмѣстѣ и везли въ каретѣ

свертокъ: я его держалъ рукой за одинъ конецъ, а она за другой.

Погруженный въ такія историческія воспоминанія и въ пріятную озабоченность, Бобылковъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до подъѣзда дома Ерогина.

Сатиръ Никитичъ только что отзавтракалъ съ какими-то прихлебателями, которые постоянно около него терлись, и оставивъ ихъ въ столовой допивать начатыя бутылки, увелъ Бобылкова въ кабинетъ.

Наружность Сатира Никитича нисколько не отвѣчала его имени. Это былъ совершенно обыкновенный сорокалѣтній блондинъ, съ короткимъ круглымъ носомъ, голубыми глазами и подстриженной бородкой. Усы и бакенны росли у него кустиками, и это придавало ему какъ будто болѣзненный видъ, несмотря на его плечистое сложеніе и закруглившееся брюшко.

Бобылковъ вошелъ мѣрными шагами, и остановившись прямо предъ Ерогинымъ, соединилъ руки ладонями, широко разставивъ локти.

— Голубчикъ, Сатиръ Никитичъ, что же это

вы надѣлали! – произнесъ онъ своимъ полу-шутовскимъ тономъ, и укоризненно воззрился на Ерогина.

– Понимаю, понимаю: у Вассы Андреевны сейчасъ были, – сказалъ тотъ усмѣхнувшись и по-купечески скусывая зубами кончикъ сигары.

– Да вѣдь какъ же: присылала за мной, – продолжалъ Бобылковъ. – Вы ее въ совершенное разстройство привели. Право, вчужѣ жалко смотрѣть.

– Ну, и жалѣйте, коли вамъ больше нечего дѣлать, – спокойно сказалъ Ерогинъ, плюхнувшись всей своей плотной фигурой на диванъ.

– Да и вы пожалѣйте, Сатиръ Никитичъ, – говорилъ Бобылковъ, держа предъ собой сжатая ладонями руки. – Вѣдь Васса Андреевна всегда такъ сердечно относились къ вамъ...

– Э-ва! А юнкера то зачѣмъ же завела? – возразилъ, слегка краснѣя въ лицѣ, Ерогинъ.

Бобылковъ склонилъ голову и развелъ руками, но тотчасъ опять сжалъ ихъ ладонями.

– Ахъ, Сатиръ Никитичъ, да вѣдь вы разсудите, что такое юнкеръ? Вѣдь это дитя, ребен-

нокъ... Стоитъ ли изъ-за этого ревностью себя беспокоить? – произнесъ онъ убѣжденнымъ тономъ.

– Ну, подите вы! – отозвался Ерогинъ, и нѣсколько разъ усиленно потянулъ изъ сигары. – Съ Вассой Андреевной у меня все покончено, вы лучше и не толкуйте объ этомъ. Мы съ ней ловко посчитались.

Бобылковъ съ сокрушеннымъ видомъ сѣлъ.

– Жалко, ей-Богу жалко, – сказалъ онъ. – Такая милая женщина, сердечная. Теперь, говорить, съ чѣмъ я осталась? Дачу дорогую наняла, коляску заказала, и какъ же это будетъ? Вамъ, Сатиръ Никитичъ, надо бы успокоить ее.

– Бросьте это. Вотъ Елена Николаевна – другое дѣло, – прервалъ его Ерогинъ. – Вотъ тутъ я не прочь похлопотать.

Бобылковъ словно почувствовалъ толчокъ во всемъ существѣ своемъ. Но онъ не подаль виду, какъ глубоко заинтересовали его слова Сатира Никитича, и проговорилъ довольно равнодушно:

– Да, эта помоложе будетъ, и воспитанія

больше. Только вѣдь она съ Козичевымъ.

— Эка невидаль Козичевъ вашъ. И не у такихъ отбивали, — самоувѣренно возразилъ Ерогинъ.

Бобылковъ плутовато прищурился на него и подмигнулъ.

— Вашу репутацію мы знаемъ, — сказалъ онъ, хихикнувъ. — А только и злодѣй же вы, Сатиръ Никитичъ, ей-Богу злодѣй. Такого ба-ловника, какъ вы, поискать надо.

Два пальца его правой руки опустились при этомъ въ жилетный карманъ, и что-то тамъ нащупывали и перебирали.

— Мнѣ, кстати, надо будетъ сейчасъ заѣхать къ Еленѣ Николаевнѣ, дѣльце маленькое есть, — продолжалъ онъ. — Увидѣла она у меня какъ-то бирюзу замѣчательную, такъ купить хочетъ. Дѣйствительно, рѣдкій случай; я отъ одного персіянина за большія деньги досталъ.

И онъ вытащилъ изъ жилетки два бирюзовыхъ камня и прикинулъ ихъ на ладони. Ерогинъ взялъ ихъ по очереди кончиками пальцевъ и осмотрелъ, наморщивая складки на переносицѣ — Сколько? — спросилъ онъ кратко.

– Вот бы вамъ, Сатиръ Никитичъ, дать оправить, да поднести Еленѣ Николаевнѣ, – замѣтилъ Бобылковъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта. – Она бирюзу больше всѣхъ камней любитъ.

– Да сколько стоитъ? – повторилъ свой вопросъ Ерогинъ.

Бобылковъ простодушно махнулъ рукою.

– Ну, что для васъ цѣна! Была бы охота, – сказалъ онъ. – Я, если желаете, самъ завезу къ Фаберже и велю оправить. Бриллиантами кругомъ обложить...

– Пожалуй, свезите; только чтобъ не дорого все вышло, – согласился Ерогинъ.

Бобылковъ съ притворнымъ равнодушіемъ сунулъ бирюзу обратно въ жилетку, и тотчасъ сталъ прощаться.

– А Еленѣ Николаевнѣ я намекну объ этомъ, а? – произнесъ онъ нѣсколько таинственно, и снова подмигнулъ.

– Пригласите-ка ее завтра пообѣдать въ ресторанъ: вы, я, да она, – сказалъ Ерогинъ.

Бобылковъ сдѣлалъ серьезное лицо и задумался, какъ бы въ виду трудности и сложности предлагаемой задачи.

– Я переговорю, – многозначительно вымолвил онъ наконецъ, и простился.

Онъ спѣшилъ, зная, что Елену Николаевну Мамышеву позднѣе нельзя застать дома.

– Мамочка! голубушка! вѣдь все хорошѣете! – привѣтствовалъ онъ ее, когда она вышла къ нему въ громадной шляпкѣ, совсѣмъ собравшаяся ѣхать кататься. – Вы ужъ извините, на минутку задержу васъ, потому что дѣло есть.

Хорошенькая, тоненькая брюнетка очень мило улыбнулась ему. Она знала, что когда Бобылковъ заходитъ по дѣлу, то всегда оказывается что-нибудь пріятное: или ужинъ, или пикникъ, или нѣчто болѣе существенное.

– Садитесь и рассказывайте, – пригласила она, и сама присѣла бокомъ на диванчикъ, какъ разъ противъ зеркала, на которое и направила свои слегка подрисованные глазки.

– Да что, мнѣ изъ-за васъ Ерогинъ проходу не даетъ: врѣзался въ васъ по-уши, – объяснилъ Бобылковъ.

Мамышева сдѣлала презрительную улыбку.

– Ну, ужъ вашъ Ерогинъ... мужикъ такой! –

произнесла она.

Бобылковъ замахалъ руками.

— Что вы, что вы! Сатиръ Никитичъ? Отличнѣйшій человѣкъ, — возразилъ онъ.

— Вы знаете, я совсѣмъ не привыкла къ такимъ знакомствамъ, — продолжала Мамышева. — Вамъ извѣстно мое общество: князь Малмыжскій, князь Давидзе, баронъ Айзикъ... онъ сейчасъ былъ у меня, и такъ сплетничалъ, такъ сплетничалъ, что я его прогнала. Но представьте, Юлій Павловичъ на-дняхъ тридцать тысячъ выигралъ, и ничего мнѣ не сказалъ.

— Козичевъ? Вотъ видите, а еще вы влюблены въ него, — укоризненно замѣтилъ Бобылковъ. А я вамъ вотъ что сообщу: Ерогинъ поручилъ мнѣ выбрать для васъ кое-что у Фаберже. Вотъ какая исторія.

Мамышева слегка вспыхнула, и хорошенькія глазки ея совсѣмъ заблестѣли.

— Что это ему вздумалось? — какъ будто удивилась она.

Бобылковъ самодовольно подмигнулъ ей.

— А на то есть Денисъ Ивановичъ, чтобъ вздумалось, — загадочно пояснилъ онъ. —

Только вы, мамочка, ужь не подведите меня: я ему далъ слово за васъ. Завтра мы маленькій обѣдикъ устроимъ: вы, онъ, да я. Ни, ни, никакихъ возраженій. Бѣгу сейчасъ прямо къ Фаберже. И Бобылковъ дѣйствительно убѣжалъ. Часъ спустя онъ, совсемъ сіяющій, прогуливался по Большой Морской. Онъ чрезвычайно любилъ толкаться тутъ въ это время дня, пожимать руки фланлирующимъ и раскланиваться поминутно съ проѣзжающими мимо нарядными дамами. Онъ ихъ всѣхъ, рѣшительно всѣхъ зналъ, и ко всѣмъ питалъ почти родственное чувство. И онъ тоже считали его своимъ, совсемъ своимъ, и хотя кивали ему съ нѣкоторою небрежностью, но не безъ дружескаго выраженія.

– Здравствуйте, мой дорогой! – вдругъ остановилъ онъ высокаго, красиваго господина лѣтъ тридцати, съ голубымъ кашне вокругъ шеи и тросточкой въ рукѣ, медленно пробиравшагося по узкой панели. – Кстати, мнѣ вамъ два словечка сказать надо. Слыхали новость?

Козичевъ – это былъ онъ – съ снисходи-

тельнымъ любопытствомъ наклонилъ голову.

– Что такое? – спросилъ онъ.

– Васса Андреевна поссорилась съ Ерогинымъ, – объяснилъ Бобылковъ. – И такъ, бѣдная, скучаетъ, жалко смотрѣть на нее.

– Можетъ ли быть? – видимо заинтересовался Козичевъ.

– Безъ шутокъ. Я теперь придумываю, какъ бы развлечь ее. Пригласимъ-ка ее завтра обѣдать въ ресторанъ, а?

– А она поѣдетъ безъ своего Сатира?

– Я же вамъ говорю: расплевались! Теперь для васъ самый настоящій моментъ поухаживать за нею.

Козичевъ описалъ тросточкой кругъ въ воздухъ и улыбнулся, показавъ свои отличные зубы.

– Я не прочь, – сказалъ онъ, – мнѣ Васса Андреевна всегда нравилась. Такъ завтра, здѣсь?

И онъ указалъ глазами на ресторанъ, мимо котораго они проходили.

– Въ семь часовъ, – подтвердилъ Бобылковъ.

Поутру на другой день Денисъ Ивановичъ заѣхалъ къ Вассѣ Андреевнѣ и засталъ ее еще въ худшемъ настроеніи. Она наканунѣ вечеромъ побывала разомъ въ трехъ театрахъ, отыскивая Ерогина, потомъ въ двухъ ресторанахъ, и наконецъ въ загородномъ уголкѣ, гдѣ онъ чаще всего проводилъ ночи, но нигдѣ его не оказалось. По секрету она посылала Глашу даже къ нему въ домъ узнать, не заболѣлъ ли онъ, но тамъ сказали, что Сатиръ Никитичъ уѣхалъ предъ обѣдомъ и не возвращался. Васса Андреевна чуть съ ума не сходила, ломая голову, чтобъ додуматься, куда могъ провалиться Ерогинъ. Исчезновеніе его было тѣмъ болѣе загадочно, что Елена Николаевна, къ которой втайнѣ ревновала Васса Андреевна, была въ театрѣ, и потомъ ужинала съ Козичевымъ.

А разгадка заключалась просто въ томъ, что Ерогинъ уѣхалъ съ какими-то знакомыми купцами въ Царское, и тамъ всю ночь пилъ съ ними въ простомъ трактирѣ и пѣлъ русскія пѣсни. Онъ иногда это дѣлалъ, когда

«деревня» начинала сильно сосать его за сердце и онъ чувствовалъ потребность кутнуть особымъ образомъ, въ обстановкѣ трактирной грязи, среди намасленныхъ половыхъ и купеческой икоты.

– Ну, что же, видѣли Сатира Никитича? – рѣзко обратилась Васса Андреевна къ Бобылко-ву, какъ только онъ вошелъ къ ней.

– Ахъ, мамочка моя, да какая же вы сегодня хорошенькая! – отвѣтилъ на это Бобылковъ, прикладываясь къ ручкѣ. Что нибудь подобное онъ всегда пускалъ впередъ предъ всякимъ объясненіемъ съ дамами.

– Да ну васъ, – еще рѣзче отозвалась Ужова, и дернула плечомъ. – Что же, онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ такъ и бросить меня, какъ стоптанную туфлю? Да вѣдь я ему скандаловъ надѣлаю...

– Голубушка моя, не горячитесь, это первое дѣло, – произнесъ успокоивающимъ тономъ Бобылковъ. – Съ этимъ человѣкомъ терпѣнье надо. Теперь у него юнкеръ вашъ завязъ въ зубахъ. Ужъ я ему говорю: послушайте, Сатиръ Никитичъ, какой же смыслъ? Что такое юнкеръ? Вѣдь это дитя, ребенокъ...

Какъ ни была сердита Васса Андреевна, но при этихъ словахъ злобно-нахмуренное выраженіе разомъ сбѣжало съ ея лица. Она не разсмееалась, но показала весь крупный оскаль своихъ здоровыхъ бѣлыхъ зубовъ. Бобылковъ, глядя на нее въ упоръ своими плутоватыми глазами, тоже усмѣхнулся и чуть подмигнулъ. Съ минуту они такъ и стояли другъ противъ друга, она – все шире скаля зубы, а онъ – все плутоватѣе играя подмигивающимъ взглядомъ.

– Съ нимъ, съ Сатиромъ Никитичемъ, переждать надо, – сказалъ онъ наконецъ. – Побаломутить и успокоится. Вы имѣйте видъ, какъ будто вамъ до него никакого дѣла нѣтъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ? Бѣгать намъ съ вами за нимъ, что ли?

Бобылковъ вдругъ нагнулся къ самому уху Вассы Андреевны и добавилъ полушопотомъ:

– А я вчера Козичева видѣлъ: влюбленъ въ васъ пуще прежняго. Мнѣ, говоритъ, хотѣлось бы развлечь скольконибудь Вассу Андреевну: пообѣдать какънибудь вмѣстѣ, что ли. Вотъ бы сегодня мы и собрались втроемъ, а? Я заѣду за вами въ семь часовъ.

Васса Андреевна немножко подумала, взглянула на Бобылкова нѣсколько подозрительно, потомъ лѣниво потянулась всѣмъ тѣломъ и сказала:

— Юлій Павловичъ очень милый человекъ. Только съ Сатиромъ Никитичемъ вы меня непременно должны помирить.

— Да непременно же, непременно! — подтвердилъ Бобылковъ. — Такъ вы, мамочка, въ семь часовъ ждите меня.

По привычкѣ, Бобылковъ опустилъ два пальца въ жилетный карманъ, потомъ нащупалъ что-то въ заднемъ карманѣ сюртука, но воздержался, и только спросилъ, нѣтъ ли какогонибудь бѣленькаго винца. Его провели въ столовую, гдѣ онъ, понемножку прихлебывая и болтая самый нелѣпый вздоръ, докончилъ вмѣстѣ съ хозяйкой бутылочку рейнвейна, и наскоро распростившись, вышелъ.

Въ семь часовъ онъ подѣхалъ съ Вассой Андреевной, въ ея собственной каретѣ, къ ресторану, сейчасъ же розыскалъ Козичева и ввелъ ихъ въ кабинетъ. Самъ же онъ немедленно спустился въ общую залу, обошелъ всѣхъ знакомыхъ, поднялся опять наверхъ,

разспросилъ швейцаровъ, кто, гдѣ и съ кѣмъ, и узнавъ, что Ерогинъ сейчасъ прїѣхалъ съ Еленой Николаевной, снова вернулся въ кабинетъ.

Васса Андреевна стояла предъ зеркаломъ и поправляла прическу, стараясь надвинуть сбившіеся волосы на лобъ такимъ образомъ, чтобъ получилось выраженіе, которое она называла вакхическимъ.

– Вакханка, совершенная вакханка! – воскликнулъ Бобылковъ, знавшій, что она любитъ, когда ее такъ называютъ. – Ахъ, вотъ кстати, – продолжалъ онъ тотчасъ же, подсаживаясь къ Козичеву: – у меня удивительная есть вещица, я хотѣлъ предложить вамъ, не купите ли. Художественная штучка, цѣны нѣтъ, а я отдаю почти задаромъ.

И онъ вытащилъ изъ кармана довольно большой футляръ, въ которомъ оказался мундштукъ изъ слоновой кости, съ двумя тонко выточенными фигурами, изображавшими весьма веселый сюжетъ.

– Вакханка и сатиръ, – сказалъ Козичевъ, съ серьезнымъ видомъ рассматривая художественную группу.

– Сатиръ! Сатиръ! – почти взвизгнулъ Бобылковъ, всплескивая руками и колотя ногами по полу.

Сатиръ, очевидно, напомнилъ ему Сатира Никитича, и это повергало его въ необузданную веселость.

– Вакханка и сатиръ! – повторилъ онъ, захлебываясь какимъ-то расплесканнымъ смѣхомъ, и подмигивая въ одну сторону Вассъ Андреевнѣ, и въ другую Козичеву. – Сатиръ!

Въ сосѣднемъ кабинетѣ, откуда раньше слышались негромкіе голоса, вдругъ притихли.

Тамъ находились Ерогинъ съ Еленой Николаевной. Ерогинъ разслышалъ свое имя и узналъ расплесканный смѣхъ Бобылкова. Это его заинтересовало.

– Съ кѣмъ тамъ Бобылковъ? – спросилъ онъ татарина.

– Съ господиномъ Козичевымъ, – отвѣтилъ тотъ.

Елена Николаевна при имени Козичева слегка поблѣднѣла.

– А еще кто съ ними? какая дама? – быстро обратилась она къ татарину. Тотъ замялся,

опасаясь назвать при Ерогинѣ Вассу Андреевну.

– Даму не знаю-съ; незнакомая... – проговорилъ онъ.

– Позови сюда Бобылкова, – приказалъ Ерогинъ.

Черезъ минуту Бобылковъ, скрывая подъ улыбкой мелькавшую на его лицѣ озабоченность, вошелъ въ кабинетъ.

– Вѣдь вы должны были съ нами обѣдать, какъ же это вы къ Козичеву пристроились? – строгимъ тономъ накинулся на него Ерогинъ.

– Съ кѣмъ Козичевъ? какая тамъ дама? – еще строже обратилась къ нему Елена Николаевна.

Бобылковъ немножко растерялся, но тотчасъ оправился.

– Ахъ, Боже мой, вѣдь я десять разъ про васъ спрашивалъ, а эти дурачье отвѣчали, что васъ еще нѣтъ, – сказалъ онъ почти негодующимъ тономъ. А къ Козичеву я заглянулъ на минутку.

– Кто съ нимъ? – подступила къ нему Елена Николаевна.

– Не знаю, представьте себѣ – не знаю; ка-

кая то графиня...

– Что вы врете! Говорите сейчасъ.

– Голубушка, какъ я скажу? Графиня, полька какая-то...

Елена Николаевна поднялась и съ рѣшительнымъ видомъ направилась къ дверямъ. Бобылковъ схватилъ за руку Ерогина.

– Голубчикъ, не пускайте ее... Я вамъ объясню: тутъ Васса Андреевна васъ розыскиваетъ, а Козичевъ нарочно затащилъ ее въ кабинетъ, чтобъ я успѣлъ васъ предупредить... – говорилъ онъ.

– А, такъ это Васса Андреевна! – вскричала Елена Николаевна, и выскочивъ въ корридоръ, вбѣжала въ сосѣдній кабинетъ.

Бобылковъ и Ерогинъ вошли вслѣдъ за нею. Они видѣли, какъ Васса Андреевна поднялась съ дивана, потомъ всталъ Козичевъ, потомъ произошло какое-то быстрое общее движеніе. Елена Николаевна кричала, Васса Андреевна кричала. Потомъ послышался не то звонъ разбитаго стекла, не то трескъ сломаннаго вѣера. Ерогинъ двинулся впередъ, и на минуту заслонилъ всѣхъ своимъ плечистымъ туловищемъ.

– Mesdames, какъ вамъ не стыдно... – басыль онъ.

Бобылковъ, въ сторонѣ, бѣгалъ смущенными и жадно-любопытными глазами, и повторялъ не то сокрушенно, не то восторженно:

– Какой историческій день! Боже, какой историческій день!